

ПРИГОВОР, ДЛИНОЮ В ВЕК

В 1949 году, по окончании двухгодичной Новосибирской юридической школы, я был направлен в Томскую областную прокуратуру. В это время в областном аппарате с юридическим образованием работало всего двое: Кузьма Степанович Чернышпенко и начальник отдела кадров Мурашкова... Остальные практики.

Через месяц стажировки меня направили исполнять обязанности прокурора Парбигского района (ныне Бакчарский).

В начале августа 1949 года я прибыл в с.Парбиг самолетом с зам. прокурора области по спецделам Антроповым. Тот представил меня в райкоме партии, а затем в прокуратуре, коллективу, который состоял из народного следователя Н.С.Демьяненко, секретаря-машинистки, курьер-уборщицы и конюха.

В районе в то время юристов не было. Следователь М.Д.Непомнящих - практик, народный судья с 7-ю классами образования и 2-х месячными курсами. Телефонная связь была внутри райцентра и с одним селом - Высоким Яром. В остальном пользовались рацией.

Не имея практического опыта, посоветоваться по работе было не с кем, поэтому мне досталось, как медному котелку.

До 1953 года (до смерти И.В.М.Сталина) режим работы был таков: начало в 9-00, окончание в 18-00, а затем с 21 часа до 24 часов. Такой режим был установлен повсеместно. Здание прокуратуры располагалось в жилом прогнившем доме-морозильнике (в зимнее время). Но в 1950-м достроили типовую прокуратуру, условия для работы стали нормальными.

Сложность состояла в том, что у нас не было бумаги (писали на старых книгах, других использованных бумагах). Пишущая машинка была такая дряхлая, что ее следовало отправить в металлолом. Не было ни пишущих лент, ни копировальной бумаги. И заработная плата была скромная: у прокурора - 950 рублей (после денежной реформы 1961 г.) 95 рублей, у следователя - 755 (75 рублей).

В 1950-м народного следователя Н.С.Демьяненко отправили на годичные курсы в г.Харьков, поэтому следственную работу выполнять стал я. Жизнь научила меня многому и к концу 1955-го я самостоятельно вел расследование всех дел. В 1951-м в прокуратуру прибыл А.К.Волков на должность народного следователя. С ним стало полегче, т.к. имел среднее юридическое образование. Хотя у него не было практического опыта, я уже более чем за год чему-то научился самостоятельно, мог уже помочь и Анатолию Конгантиновичу. Имея теоритическую подготовку, он (при его добросовестности) быстро (примерно за полгода) мог самостоятельно вести все следственные дела. В 1953-м А.К.Волкова взяли на работу в областной аппарат. Месяцев через 5-6 в прокуратуру прибыл на должность народного следователя Леонид Иванович Андриянов

после окончания юрфака Томского государственного университета. Мне пришлось и с ним делиться опытом. Свои обязанности Леонид Иванович выполнял добросовестно, поэтому где-то года через два, он уехал в Томск в облпрокуратуру. Я опять остался один, работал с год, а затем на месте учащегося заочника с 3-го курса приняли следователем Л.А.Шхалохова. Через два года и его забрали прокурором Тегульдетского района. Мне снова пришлось работать одному до 1963 года. В это время объединились районы и я стал помощником прокурора Бакчарского района, затем прокурором этого района до 1967 года.

Работая вместе с Н.С.Демьяненко, А.К.Волковым, Л.И.Андрияновым, Юрием Валентиновичем Попыриным (он был помощником прокурора Бакчарского района), а затем прокурором Александровского района, начальником следственного управления областной прокуратуры, Валерием Васильевичем Заводенко был помощником в прокуратуре Кривошеинского района, затем прокурором Кривошеинского района, а в настоящее время работник областного аппарата. Я перечислил фамилии работников, у которых учился и учил их. Я до сих пор благодарен, что мне пришлось с ними встретиться в жизни и вместе трудится. Сейчас молодые работники прокуратур не знают, что в наше время прокурор района вместе со своим коллективом (5 человек) заготавливал силос в колхозах и совхозах, полел свеклу и дергал лен, косил сено и убирал хлеб, дергал морковь.

Меня иногда спрашивают, что больше всего запомнилось за 29 лет работы в прокуратуре? Многое.

...После смерти И.В.Сталина 27 марта 1953 года объявили большую амнистию. С исправительных лагерей освобождалось много заключенных, в том числе и отбывавших наказание за тяжкие преступления - особо опасные рецидивисты. Некоторым из этой категории дальнейшее отбывание наказания вместо лагерей заменяли ссылкой. Много таких лиц прибыли в Парбигский район. Среди них женщина, которая убила своего шести летнего сына. Это случилось в Брянской области. Одинокая М.Г.Самарина жила в городе и воспитывала сына (брак был расторгнут). Позднее женщина стала сожительствовать с человеком, освобожденным из мест лишения свободы. Тот стал притеснять и избивать мальчика. Ребенок уходил из дома, часто не ночевал, за что ему перепадало еще больше. Мать перестала его защищать. Как явствует из материалов дела, отчим договорился с матерью, чтобы избавиться от мальчика - убить. Мать уговорила сынишку поехать к тете в гости в другой город. Мальчика увезли на одну из железнодорожных станций, увели в лес. Сожитель предложил матери самой убить сына, но она отказалась. Мальчик понял, что с ним собирались делать, ухватился за мать и стал кричать, чтобы его не убивали. Тогда сожитель оторвал ребенка от матери, схватил за ноги и ударил об дерево. Преступники разошлись (

разъехались) в разные стороны. М.Г.Самарину осудили на 10 лет, судьба сожителя не известна.

Познакомившись с делом, я пригласил Самарину на встречу. Я увидел изможденную женщину лет 45. С потухшими глазами, с безразличием к жизни.

Еще один случай. В конце мая 1959-го жительница Кедровского лесоучастка М.И.Касьяненко забеременела по любви, родила ребенка в Парбигском роддоме и через 10 дней выписалась. Поехала в п.Мельстрой (в противоположную сторону от своего места жительства). Поселок "Мельстрой" находился в шести километрах от райцентра. Касьяненко зашла на квартиру к одной женщине, попросила покормить и перепеленать новорожденного. Все это сделала, отдохнула и ушла. Примерно через полчаса вернулась уже без ребенка, объяснив хозяйке, что ее малыш умер. Попросила лопату. Похоронив ребенка, вернулась, вернула хозяйке лопату и осталась ночевать. Пожилая хозяйка засомневалась, что ребенок скоропостижно умер: он был нормальный. Заподозрив неладное, позвонила в милицию. Дежурный об этом сообщил мне и я порекомендовал немедленно выехать в п.Мельстрой, взять с собой врача. Что и было сделано. Ст. оперуполномоченный милиции, вместе с врачом Косыревой заехал на квартиру к Шаминой, взял роженицу и она показала место захоронения ребенка. Малыш был похоронен в трехстах метрах от поселка и в 15 метрах от проезжей части дороги. Предложили мамаше откапывать могилку. Откопав см 15-20, мать отставила лопату и заявила, что дальше откапывать не будет. Вдруг земля зашевелилась и присутствующие услышали слабый плач. Врач сорвала платок с матери ребенка, выхватила из земли малыша, оттерла с его лица землю и укрыла у себя на груди. Ребенка привезли в райбольницу в родильное отделение. Роженицы покормили малыша, а Касьяненко была водворена в КПЗ, а затем осуждена. В период следствия, она просила отдать ей мальчика. Позднее малыш был отправлен в Томск, в дом малютки под фамилией Бессмертный Олег.

Будучи в Томске в командировке, я того мальчика видел уже шестилетним. Красивый общительный ребенок.

Помнится еще один случай. Как-то утром в августе 1967-го, мне позвонил директор совхоза "Галкинский" К.А.Масловский и сообщил, что к нему пришла с мужем животновод и рассказала, что сегодня ночью на ферме ссыльный Гавриков, угрожая ножом и топором, изнасиловал ее.

Я директору отвечаю: "дело может быть возбуждено; если от потерпевшей будет официальное заявление". Вскоре потерпевшая прибыла в прокуратуру и подала заявление. При расследовании настоящего дела (следствие вел я сам) была тщательно изучена личность преступника. Как установлено, 57-летний Гавриков, до совершения настоящего преступления, был 9 раз судимый. Имел

судимостью 101 год. За последнее преступление Бакчарским райнарсад осудил его к 9 годам лишения свободы и признал особо опасным рецидивистом.

В данном случае удивляться судимости в 101 год не нужно. В то время действовал Указ Президиума Верховного Совета СССР "Об уголовной ответственности за хищение государственной, либо колхозно-кооперативной собственности", по которому преступника можно было осудить к 25 годам лишения свободы. Потом по амнистии, либо по зачету рабочих дней срок сокращался и осужденный, отбыв половину срока наказаний мог быть освобожден.

Как показал осужденный на следствии, он пошел по лагерям с двенадцатилетнего возраста и на свободе бывал не более двух недель, последний раз чуть подольше - 2,5 месяца.

Показания арестованного на следствии было долгим, так как записывались в протокол и на ленту магнитофона. Поскольку подследственный в лагерях находился около 4 лет, лагерный жаргон был у него богатейший. Иногда арестованный взрывался и нес такую нецензурщину, что, как говорят, "штукатурка с потолка и стен кабинета сыпалась". Приходилось на магнитофоне стирать запись и потом снова включать.

В памяти сохранилось еще много примеров, но нет необходимости дополнять ими свое повествование.

П. Шмаргунов
старший советник юстиции
в отставке